

ИЗВЕСТИЯ

Центрального Исполнительного Комитета
СОЮЗА
 СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
 И
 Всероссийск. Центральн. Исполнительн. Комитета
СОВЕТОВ
 Рабочих, Крестьянских и Красноарм. Депутатов.

تو تون ئولكەلەرىك دەۋلەتارلارى، يەرلەشىڭىز!

ՊՐՈԼԵՏԱՐՆԵՐԻ ԻՈՒՈՐ ՅԵՐԿՐՆԵՐԻ, ՄԻՒՆՅՈՒՆ

კრულეცარავო უვალა გვინისა, უნაბთლით

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

ТЕЛЕФОНЫ Г.Э. КОНТОРЫ:

1. 在 2010 年 12 月 31 日，
 2. 在 2011 年 1 月 1 日，

*Продолжение публикации статьи в журнале "Вопросы истории" за 1987 г., № 1.

Страница компьютерная печатная текста—2 руб.,
переплет—4 р. 50 коп., иллюстр.—1 долл. Сверх
тарифа принимается 50% налога. За срочные,
приним. после 17 ч., выпн. доплатит, 30%.
Пр. и исключит. права за авторство не сохраняются.
Время работы: от 9 до 23 ч. и субботу до 17 ч.
Страница, лист, б. Печатаются в 8 (вместе с заказом)
Тел. 1-44-35. Подписки и объявления для
Сев.-Западной области—Ленинград, Проспект
25 Октября, угол Французский (тел. 543-46).

N₂ 120 (3354).

ТЕАТР—МУЗЫКА—КИНО.

„Вишневый сад“.

(Художественный театр).

Возобновлен выпавший из репертуара Художественного театра за эти десять лет чеховский «Вишневый сад». Возобновление многими своими особенностями знаменательное.

Для нашей эпохи Чехов стал классиком, его пьесы богаты иллюстрациями жизни, быта и нравов, уже стертых временем. Самая психология его персонажей, людей «бескрылого времени», кажется теперь архаической. Она непонятна поколению, которое встречало Октябрьскую революцию детьми.

Но было бы, конечно, совершенно невозможно отказаться от Чехова в виду его «несовучия с эпохой». В Чехове, как и во всяком истинном классике, есть доля того богатства, которое нами принимается, как нужное для нас наследие культуры прошлого.

В «Вишневом саде» Чехов с мастерством глубокого художника нарисовал картину распада помещичьего строя. Он убедительно вскрыл социальные корни, заложившие в «смене собственников». Уже не столбовые дворяне, крупнейшие землевладельцы распоряжаются «вишневыми садами», а деревенские кулачки, принадлежащие к позднейшей генерации Разуваевых и Колупаевых, во всех, разумеется, новых психологических и социальных их оттенках. Чехов очень верно понял этот процесс и показал не только естественность гибели «вишневого сада», принадлежавшего Гаеву и Раневской, но и неизбежность именно для Лопахина стать его новым хозяином. Лопахин уважает и любит Раневскую, он и рад бы ей помочь, да классовый инстинкт, страсть к наживе сильнее его. И он как бы против собственной воли становится виновником уже окончательного разорения и Раневской, и Гаева.

Но на пьесе Чехова роковым образом отложился некоторая противоречивость между замыслом и его окончательным осуществлением. «Вишневый сад» писался как «веселая комедия, почти фарс». Делалась видимая установка на почти сатирическое звучание. Но в силу разных обстоятельств и главным образом под влиянием самого Художественного театра первая редакция пьесы, несомненно наделенная чертами водевильного гротеска, в процессе работы видоизменялась и обростала теми лирическими настроениями, которые совершенно аяслоняли собою комическую первооснову.

Постановка пьесы, как мы это теперь знаем по новым материалам, не удовлетворила Чехова, который писал, что Художественный театр «сгубил» «Вишневый сад». Чехову казалось, что театр не понял авторского замысла, тенденциозно подчеркнув ту элегическую струю, которая

для самого Чехова не играет существенной роли. Однако, самый текст пьесы все же не давал театру материала именно для того, чтобы поставить и сыграть «Вишневый сад», как веселую комедию.

Теперешнее возобновление, сохраняя прежние режиссерские раскрытия прежде всего лирической темы пьесы, все-таки моментами отходит от старой постановки. Значительно ускорены темпы, в первом акте внесено то чисто-комедийное оживление, которое раньше отсутствовало, трактовка главных персонажей освобождена от излишнего психологического груза. Это в особенности заметно в передаче Станиславским роли Гаева. Его образ раскрыт теперь прежде всего о чисто-комедийной стороны. Мы бы сказали, что безделье, барская мечтательность, полнейшее неумение взяться за хоть какую-нибудь работу и поистине детская беспечность разоблачены Станиславским до конца. Новый Гаев Станиславского — убедительнейший образчик вредной ничемности. Еще ажурнее, еще легче стала играть и Книппер-Чехова, раскрывающая свою Раневскую в том же плане «разоблачительства».

Вообще этот спектакль, помимо своего чисто-исторического значения, как спектакль, с большой яркостью воссоздающий целую полосу русской жизни, знаменателен именно тем, что в нем торжествует свою победу крепкое мастерство «стариков» Художественного театра. Станиславский, Книппер, Москвин, Епиходов которого стал еще ярче, еще гротескнее, Грибунин (Симеонов-Пищик), Лужский (Фирс) и в несколько меньшей степени Леонидов (Лопахин) создают замечательную группу исполнителей. Вот живой и убедительный образчик того трудного и большого искусства, которым владеет старый Художественный театр, сохраняющий в своем мастерстве вовсе не музейную только ценность. Андровская играла Дуняшу, трактуя ее уж слишком «по-деревенски», усердно прибегая к якобы крестьянской манере произносить слова, что никак не вяжется с образом этой полугорничной-полувоспитанницы, выросшей в доме Гаевых. Тускло играет Добриравов Яшку; верный, но не яркий образ Аня у Молчановой.

Подгорный в роли Трофимова ничего интересного не сделал, как и Халютин в роли Шарлотты. Несколько неясна Варя у Кореневой. Чехов считал Варю «дурой», «добрый душой», а Коренева берет ее слишком уже «всерьез».

Внешняя постановка осталась прежней, за исключением некоторой незначительной перепланировки мизансцен и нового пейзажа для второго акта.

ЮР. СОБОЛЕВ.